

Лебедев Анатолий Александрович
г. Москва

Из дневника «декабриста»

**Анатолий Лебедев,
военный врач 3-го ранга,
1943, Иваново**

В 1925 году я пошел в ивановскую школу имени III Интернационала, что славилась на весь город своей репутацией. Школа эта располагалась на Негорелой улице на значительном удалении от дома, минутах в 30-35 ходьбы. В этой школе учились старшие братья. Директором школы был Василий Павлович Орлов. Фамилия его соответствовала его образу. Он орлом вылетал из кабинета на переменах (особенно на больших) и устремлялся туда, где начинались детские шутки,

шалости, дурачества.

Моей первой учительницей была Зинаида Ивановна Журавлева. Наиболее интересными педагогами были Александра Тимофеевна Майорова (математик), Екатерина Григорьевна Абрамова (литература). Они оставили самый яркий свет в моем школьном образовании.

Школу я закончил в 1935 году и встал перед выбором, куда идти учиться. Мы, молодые, жили жизнью молодости: учеба, спорт, любовь и веселье. Выбор был длинным и непростым. Но, в конце концов, я получил приглашение от председателя Областного совета «Динамо» перейти к ним и занять место в воротах команды.

Так я оказался на виду у любителей футбола города, а дело шло к экзаменам для поступления в вуз, и я его уже наметил – медицинский.

Кафедра физкультуры (Н. Шестаков, С. Догаднина и Т. Карпова) была заинтересована в моем поступлении в Институт, так как укреплялся коллектив еще одним спортивным студентом.

Не знаю, так ли это, или все было без помощи, но я поступил на первый курс Лечебного факультета. Я стал студентом.

Парень! Мужчинам было предпочтение.

Учеба в институте была для меня далеко не легка. Сложность обучения на первых двух курсах была связана, кроме всего прочего, с необходимостью зубрежки. А иначе и нельзя было выучить косточки, мышцы, гистологию... Но с третьего курса мой интерес значительно возрос. Пошли предметы, связанные с клиниками, больными, лечебной практикой. То есть уже развивался практический интерес профессионала.

На втором курсе я завалил биохимию, пересдавал. Профессор А.Д. Бернштейн был большим поклонником футбола и на моей пересдаче вперемежку с вопросами по предмету задавал вопросы об игре. Повезло. И на третьем курсе среди таких предметов, как терапия, хирургия, фармакология, я вдруг споткнулся на соц. гигиене, но на другой день пересдал и ее, и на каникулы уехал «чистым».

В этот год мы получили премию – туристические путевки по Крыму за выигрывши первенства области по хоккею и баскетболу. Я играл во всё.

Победители Кубка Ивановской области по футболу. Вратарь А. Лебедев. 1940

И вот курс последний. Год учебный 1940-1941.

3-я группа, V курса 20 сентября 1941

Таня Ковалева, Аня Баринова, Галя Бединова, Нина Тихомирова, Костя Ананьев, Лёша Белов, Толя Панков, Витюся Горшков, Сережа Кочетов, Толя (Натоха) Лебедев

В мае 1941 года мы уезжаем на курсовую практику. Мне досталась районная больница в райцентре Камешки. Здесь родились теперь знаменитые генерал авиации Н.П. Каманин и летчик-космонавт СССР Валерий Кубасов.

Практика была интересной. Главный врач больницы, опытный старый доктор, земский светила, мастер на все руки: и детский, и гинеколог, и терапевт, и окулист... Он учил нас уму и разуму. Со мной на практике был мой дружок и однокашник Саша Морев. Каждое утро мы докладывали главному врачу о произошедшем за ночь, так как жили мы в больнице, и на все поступления и происшествия нас обязательно вызывали. Многие для нас были впервые, откровением, и все страшно полезным.

Так шли дни практики, дни мая-июня 1941 года.

И вот воскресенье, 22 июня, день солнечный, ясный, прохладный для лета. Мы выходные и пошли с Сашей «прошвырнуться» по городу. Мы в белых рубашках, начищенных зубным порошком парусиновых тапочках шествуем по безлюдному райцентру, и вдруг голос Левитана о том, что будет передано важное правительственное сообщение. А дальше выступление Молотова. Война.

Что делать? Как быть? Куда идти, бежать? У кого что спросить? Главный врач больницы ничего нам не мог подсказать.

А на следующий день после звонка в кабинет главного мы получили приказ срочно вернуться для продолжения учебы.

С 1 июля начались занятия на пятом курсе. Выпускники лета этого года, Люся Михайлова, Костя Моисеев, Муся Казанская, Серега Каретников и другие, получили назначение в Советскую Армию.

Бежали дни. Параллельно с учебой я начал работать хирургом в поликлинике меланжевого комбината в районе Соснево. Моим учителем на этом этапе была опытейшая старшая операционная сестра. Как стыдно, что я забыл ее имя. Эта она меня так многому научила в области хирургии, что пригодилось мне на фронте. Честно говоря, лечила больных она, а я стоял рядом и подавал инструменты. Помню странное и неловкое: эвакуированную девушку из Ленинграда. Она так стеснялась меня, молодого мальчишки-врача, на перевязках.

Так продолжалось до начала октября.

Обстановка на фронтах была ужасной. 15 октября в Москве началась паника. Люди уезжали на восток, и нас предупредили, что, скорее всего, мы будем заканчивать обучение и будем направлены на фронт немедленно, так как немцы подошли к Москве вплотную. Как же так? Ведь мы же были убеждены, что «воевать только на чужой территории», что «своей земли вершка не отдадим» и так далее. А тут немцы собирались проводить парад в Москве на Красной площади? Не поддавалось пониманию.

В тот год погода была на нашей стороне, и к концу октября морозы стояли 20-25-градусные. Это было на руку русскому человеку, привыкшему к таким погодным условиям. Да и дороги наши были ужасны – в грязи вязли не только повозки, машины, но и танки. Это немного притормозило наступление. Оно ослабло, и мы вновь начали заниматься.

Занятия по хирургии проходили в госпиталях, что в Иванове расположились в гостиницах, школах, больницах. Так мы знакомились с тем, что ждет нас на фронте.

И вот, 22 октября 1941 года сдан последний экзамен по инфекционным болезням. Сыпной тиф, брюшной тиф, дизентерия... Клиника и лечение. И ожидание диплома об окончании. И несмотря ни на что, мы, шальные студенты, поддержанные группой профессоров - Кимбаровским, Мазылем, Кирилловым, - решили отметить окончание института. Война?! Карточки на продукты?! Затемнение?! А у нас - выпускной. И 29 декабря 1941 года в подвале Института были поставлены столы, скамейки. Горка виногрета, по одной конфетке и по бутылке фруктовой воды на двоих и, тем не менее, – банкет. Для нас это звучало именно так: «банкет». После застолья мы вырвались в вестибюль, где под звуки патефона – танцы. Откуда-то появилось спиртное. Шумиха была до утра. Мы пели, танцевали, качали профессоров, играли в «почту». Слово «война» от нас в этот вечер было так далеко.

Но всему наступает конец. Кончился и банкет. Мы стали ежедневно приходить в институт и ждать, ждать повесток. 7 января 1942 года встреча с будущим начальством – начсандивом, военным врачом 2-го ранга В. Айнбиндером. Нас, 13 человек молодых врачей, определили к нему в дивизию. В числе прочих Сева Крайнев, Коля Надиров, Коля Борщевский и другие. 10 января нам приказано прибыть к месту формирования – в город Шуя.

17 января 1942 года, Шуя

Здесь мы пробыли до 23 января, и началась жизнь другая. Нас одели в форму, нацепили нам «шпалы», и стали мы военврачами 3-го ранга.

Наш эшелон проследовал мимо родного города, не задерживаясь, и неделю мы ползли к линии фронта, не особенно осознавая маршрута и конечного пункта назначения. Было только ясно – едем по питерской дороге. Нас ждал Калининский фронт. Определенность пришла сама.

Не доезжая до Бологого, в районе станций Фирово и Баталино, наш эшелон подвергся авиабомбардировке. Появились первые раненые и убитые. Надирову, Малыгину и мне пришлось развернуть полевой пункт помощи и окунуться в боевую жизнь.

Эшелон разбомбили. Мы сумели спасти кое-что из имущества. Получили первое в жизни врачебное военное дело. Дальше мы шли к фронту пешим порядком.

Ночь шли, днем отдыхали и опять ночь шли.

Это были самые короткие дни. А ночи-марши были длинными. Зима в тот год была лютой. К ранам прибавились обморожения.

Мы брели к передовой 11 суток. Много увидели из того, что было потом уже много раз описано. Сожженные деревни и поселки, голодные плачущие сироты. Страшные картины. В небе висели «рамы» Фокке-Вульф. Целыми днями над головой висел этот разведчик. А наши самолеты? Их как будто не было вообще в стране.

И вот, в один из вечеров февраля мы услышали приказ: утром бой.

Обосновались в одном из сохранившихся домишек, развернули полковой медпункт. Утром расставили указатели: «ПМП-820СП» (полевой медпункт 820-го санполка).

Но солдат-то плевал, что именно 820-го. Раненый хотел быстрее доползти до санбата и уйти от огня, а какого он полка и принадлежности – ему все равно.

В результате к нам повалила тьма-тьмушая раненых. Крутились сутками. Света не было. Жгли лучину и при ее свете оказывали помощь. И только через 2-3 дня поняли, что тех, кто кричал, жаловался, стонал, мы брали, перевязывали, обрабатывали, выводили из шока, отправляли в медсанбаты, а тех, кто лежал тихо, молчал... Они умирали, погибали. И только тогда мы стали определять очередность обработки раненых. Первый урок войны.

Попытка дивизии перерезать шоссе Старая Русса – Великие Луки оказалась неудачной. И в первый день, и во второй, и в третий мы несли потери, а шоссе оставалось у немцев. Обстрелы из минометов, артиллерии, бомбежки с самолетов стали постоянными, и в день 4-5 раз приходилось обнимать матушку-землю, прижимаясь к ней, как к спасительнице. Люди гибли, раненые прибывали, а мы набирались опыта.

Не хватало бинтов. Не было лошадей отправлять в медсанбат. Солдаты по возможности сами уходили на следующий этап. И это называлось жизнью на фронте при так называемой «стабильной обороне».

Приближалась весна. Солнышко грело, снег таял днем, а ночью мороз. Дорог нет. Солдаты в валенках днем намокали, а ночью замерзали. Появились больные. Отсутствие дорог и транспорта отразилось на снабжении питанием и боеприпасами. Появились голодные отеки у солдат, развивался авитаминоз. Словом, если и убавилось несколько количество раненых, то число больных росло во много-много раз.

А тут еще «особняки» и «Смерш». Оправдывая свое существование, они подозревали солдат в членовредительстве, считая, что те вызывают болезни и голодные отеки сами, чтобы уйти с фронта. Крутиться нам приходилось бесконечно.

В разгар весны рацион наш стал очень скромным, на день мы получали один сухарь, одну пачку пшеничного концентрата и 10 граммов сахара, а когда поступали боеприпасы, нас, «тыловики», выстраивали в цепочку в 15-20 метрах друг от друга, и мы перетаскивали ящики с патронами, снарядами, минами. На это нужны были силы. Так вот и жили до теплой погоды.

Калининская область – это на 2/3 болота, а остальное – сплошная грязь. На строительство дорог мобилизовывали всех. На ПМП оставался один врач, фельдшер и медсестра. И только к маю-июню 1942-го года стало полегче, потеплее, посытнее.

Мы стали рыть землянки, укрепляя их двумя-тремя накатами от прямых попаданий. Медпункт перенесли в лес. Теперь-то мы считали себя закаленными, опытными фронтовиками.

«Стабильная оборона» участка была долговременной. Немцы устраивали нам периодические концерты-бомбежки. И обстрелы были такие, что, казалось, небо разверзлось.

Пасха 1942 года была ранней. Немцы в пасхальный день, видимо, подвыпив, устроили нам такой ужас – бомбили и обстреливали с самолетов каждого, кого заметили.

Пережили и это. Ушли поглубже в лес. Отыскали деревушку, но в канун 1 Мая немцы разбомбили школу, в которой у нас был лазарет, и нам пришлось много поработать, оказывая помощь раненым и больным солдатам...

Не знаю, как и кто распространил слух, что меня убило. Как-то появился я в медсанбате, а там оторопели: «Ты же убит!» Было и такое.

Осенью 1942 года меня перевели в другую часть по соседству с нашей дивизией. Я получил приказ выехать в 54-ю особую бригаду на должность командира медицинской роты медсанбата. А через пару месяцев комбриг назначил меня командиром медсанбата. Так началась моя новая фронтовая эпопея, так как медсанбат – это не ПМП. Это много отделений – хирургия, эпидемиология, санхимзащита и другие - хозяйственные - заботы. Голова шла кругом. И все же, когда наступала ночь, я уходил в операционную. Там, встав за стол, с наслаждением работал.

Во-первых, это было удивительное чувство нужного дела, полезного дела, милосердного. Это очень помогало жить. А во-вторых, работая на глазах у

своих подчиненных, сослуживцев, коллег, я становился опять своим в их среде, обычным рядовым врачом, рабочим волом.

И наконец, было еще одно обстоятельство, заставлявшее меня входить в эту обстановку. Мне надо было понять их, людей, безотказно поднимавшихся на вахту. Чем они жили? Что их волновало? Кто из них работал, а кто филонил? Это тоже удавалось установить воочию, стоя рядом.

Ведь не узнал бы я, что отличный фельдшер, Казацкий, мастер по иммобилизации, гипсованию, сачковал, при первой возможности уходя вздремнуть на печке операционной избы тогда, когда все трудились. Не мог бы я узнать и самоотверженность людей в работе, не проводя ночи в операционной.

Так, собственно, и было, когда мы обрабатывали очередную партию раненых, а немцы решили нас поугубить 20-минутным обстрелом из тяжелых минометов. Раненые были на столе. Им был дан наркоз. Не бросать же их. И мы работали. Одна из мин угодила в угол операционной. Стекла полетели. Исчезла часть стены. Ранило санитаря и повторно ранило еще одного, лежащего на столе. Но уже светало, и мы, хирурги и медсестры, продолжали делать свое дело.

За это (не знаю, как это стало известно командованию) нас, меня и ведущего хирурга Бориса Шапо, наградили медалями «За отвагу» в марте 1943 года, а двух медсестер – «За боевые заслуги».

Весной и летом к нам на фронт приезжала бригада писателей и поэтов, в числе которых был Михаил Аркадьевич Светлов. Это были военные корреспонденты центральных газет. Писали они не о нас, а о наших разведчиках, снайперах и «лучших».

Жил Светлов у нас в медсанбате, и объяснял это: «Здесь приятнее. У тебя по-московски».

Верно, к этому были основания. Был у меня в штате повар из ресторана «Московский», что на Балчуге, Лёня Сизов. Он умел делать из яичного

порошка, американской свиной тушенки или колбасного фарша прием высшего класса. И плюс к этому медицинский спирт. А за это Светлов давал нам уроки игры в преферанс, которые я пронес через всю жизнь. Но войны никто не отменял.

Отмечу еще раз трудности отправки раненых. Дороги были ужасные. Голодные лошади не тянули. Нам были приданы собачьи упряжки, и я выменял у солдата, командира собачьего отряда, ирландского сеттера, который стал моим другом. К сожалению, ненадолго.

На фронте началась эпидемия туляремии – болезни, что передается блохами, живущими на мышах и крысах. Они сопровождали нас, живя в ходах сообщения и в землянках на передовой. Санэпидотряд разбросал отраву. И не стало моего Джона.

Страшно говорить об этом, но работа в медсанбате была интересной, ведь война – это эпидемия травм. Человеческие увечья на войне невозможно описать: страдания и муки молодых и немолодых людей, только что бывших здоровыми и вдруг ставших инвалидами, страдальцами от сразившего их металла.

Индивидуальная переносимость боли, степень тяжести ранения, характер, темперамент, условия, в которых произошло ранение. Все это и многое другое отражалось, проявлялось в переживании травмы.

Одна естественная реакция присутствовала у всех – скорее в тыл, скорее подальше от линии огня, скорее в госпиталь. Скорей, скорей, скорей.

Не могу промолчать и еще об одной категории людей на войне – женщины. Операционные сестры. Они заслуживали всяческих похвал. Каждая из двух наших операционных сестер работала на двух хирургов, успевая подавать ассистенту весь инструмент и материал, а когда операции заканчивались, организовать стерилизацию инструмента, игл, шприцов. А ни света, ни воды не было. И мгновенно прибывали следующие партии раненных.

Нет таких слов, чтобы поблагодарить Таню Белянкину и Машу Кобец. Через 40 лет мы встретились с ними. Они так же трудятся, они операционные сестры.

В 1944 году я был командирован в Москву в Центральный институт усовершенствования врачей. Так закончилась война для меня.

Вызов пришел на курсы в ЦИУВ, цикл психофизиологов. Меня учили такие видные специалисты, как профессор Семеко, профессор Розенблюм, профессор Геллярштейн, академик Асратян, а их помощниками были Николай Гуровский, Абрам Генин, Евгений Кузнецов. Много лет спустя я встречу с ними снова – в космической медицине...

Заслуженный врач РСФСР Анатолий Александрович Лебедев

Постскриптум:

Вы прочитали выдержку из коротких дневников моего папы, Анатолия Александровича Лебедева, выпускника лечфака ИГМИ декабря 1941 года.

Восьмой ребенок в семье, рожденный 8 ноября 1917 года, озорник, первый в самодеятельности, в дворовом футболе, хоккее, волейболе – врачом он стать не мечтал.

Он мечтал учиться.

Учился военно-полевой хирургии, психофизиологии, изучал особенности газо- и термообмена человека в танке и многое другое. А главное, учился организовывать исследования по медико-биологическому обеспечению самых разных направлений человеческой деятельности от космической медицины до спортивной.

На его кителе ордена, медали; у него голубые лётные «петлички» (демобилизовался из Центра подготовки космонавтов). И еще на кителе – «поплавок» ИГМИ, института, который и сделал из него, в итоге, Заслуженного врача РСФСР.

Папа трижды организовывал встречи своих однокурсников, выступал перед ними с рассказами о специально разысканных ярчайших и героических фактах из их судеб, знакомил их с летчиками-космонавтами СССР, приглашал на их встречу министра здравоохранения Б.В. Петровского, шутил за праздничным столом.

В последний раз выпускники лечфака 1941 года, «декабристы», встретились общим составом летом 1993 года. Папа вёл эту встречу, готовил к ней много всего весёлого и радостного.

А в ноябре его не стало.

Но по старой памяти я нет-нет да загляну на сайт сегодняшней Ивановской государственной медицинской академии...

Татьяна Анатольевна Малофеева (Лебедева)